

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ЛИЧНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

© 2004 г. А. Н. Славская

Кандидат психологических наук, научный сотрудник ИП РАН, Москва

В кросскультурном исследовании представлений о правах человека, проведенном Женевским центром с участием России, выявлены общие (для 35 стран мира) особенности этих представлений (в том числе ценности, отношения к разным субъектам защиты прав человека, личное переживание несправедливости) и специфика правового сознания россиян, связанного с их позицией в современном обществе.

Ключевые слова: интерпретация, правовые представления, ценности, субъекты защиты прав человека, невостребованность личности.

В период перехода общества от тоталитарного к демократическому чрезвычайно важно определить: степень консерватизма/изменчивости индивидуального сознания; детерминанты появления правовых представлений; момент, когда человек начинает осознавать не только свои обязанности, но и права; роль взаимоотношений с государством, другими людьми и правовой защищенности личной жизни.

Россия осталась далеко позади большинства стран мира в отношении не только законодательного, но и исполнительного обеспечения права (в силу исторически сложившейся слабости исполнительной власти и психологии послушания, присущей российскому менталитету [5]). Но именно кросскультурное сравнение правосознания россиян и граждан других стран позволяет выявить особенности российских правовых представлений и их взаимосвязи с правовой организацией социальной жизни. Это обусловило наше участие в международном исследовании правовых представлений граждан 35 стран мира, проведенном Женевским центром по правам человека, руководимом В. Дуазом (W. Doise). В основу исследования была положена Декларация прав человека – кодекс, направленный на поддержку и защиту ценностей личности, ее жизни, достоинства, благополучия, безопасности [4]. Она предполагает не только подчинение личности закону, но и ее защиту законом.

Сложность нашего участия в этом глобальном проекте заключалась в следующем: во-первых, мы теоретически предполагали существенное отличие правового сознания российской личности от гражданского сознания народов других стран и поэтому сомневались в “валидности” общей исследовательской программы, в ее возможности

выявить российскую специфику, что и обсуждалось с В. Дуазом при сопоставлении гипотез [12]. Во-вторых, российские данные при обработке всего массива результатов в нем “растворились”. Поэтому потребовалось провести два этапа исследования: 1) сначала были собраны российские данные по совокупности методик женевской программы и 2) после получения нами общих “валовых” результатов были обработаны данные только российских респондентов [17]. Это представляет специальный интерес как стратегия кросскультурного исследования. Ее надежность обеспечивала концепция социальных представлений крупнейшего в мире психолога С. Московичи [9, 18], на которую опиралась К.А. Абульханова и теоретически, и в ряде кросскультурных исследований [1], используя многолетний опыт таких работ в лаборатории личности ИП РАН [3 и др.] и возможность обсуждения данного исследования с Московичи и Дуазом.

Согласно концепции Московичи, правовые представления свободно распространяются между социальными слоями и членами общества, способствуя их интеграции в гражданское общество. Однако это возможно только в зрелом демократическом государстве. В России процесс дифференциации социальных слоев противоречит принципу справедливости как ценностной основы равенства прав, препятствуя их интеграции в гражданское общество [10].

Еще совсем недавно в силу консерватизма сознания у российской личности преобладали представления об *обязанностях*, а не о правах, ориентация на патернализм государства и привычка подчиняться его “порядкам”. Поэтому в правовом сознании россиян доминируют именно *представления*, а не понятия, выражающие конкретное

понимание сути законов и правовых отношений. В силу неопределенности социально-правовой жизненной позиции личности и межличностных отношений такие представления противоречивы – это и уже устаревшие установки, и новые демократические идеалы. Противоречивость правовых представлений требует в каждом конкретном случае интерпретаций, т.е. осознания личностью своих обязанностей и прав, их ограничений и других аспектов правовых отношений. Эти интерпретации включают ценности, которые личность хочет законодательно защитить или сохранить. В трактовке своих, чужих и всеобщих прав выражается своеобразное авторство российской личности, которое отсутствует в обществах, где законы и их реализация определены так, что каждый раз не нуждаются в осмыслении и обсуждении. Противоречивость представлений, разнообразие мнений о правах человека требуют ответа на вопрос, может ли такое *неопределенное правовое сознание* стать основой формирования объективных правовых отношений между людьми, между личностью и государством или *сначала* должны быть созданы основы правового общества.

Правовые представления возникают не в связи с осознанием или достижением свободы, а с потребностью определиться в противоречивом, неопределенном (и только в этом смысле “свободном”) [11] социальном пространстве, контексте. Таким образом, у российской личности возникает *острая потребность в упорядоченности, надежности, гарантированности собственной жизни при осознании противоречия между несправедливостью социальной действительности, с одной стороны, и идеалами демократического общества – с другой.*

Личность оказалась предоставленной самой себе во всех измерениях своего жизнеобеспечения. Она должна *сама* искать новые источники доходов, сочетать сразу несколько профессий или их менять, осваивая новые, или со значительной степенью риска заниматься коммерцией. Появились альтернативы: повысить свой профессиональный уровень или отказаться от этого, продолжить профессиональную деятельность в стабильных государственных структурах или уйти в коммерческие.

Возникла *необходимость самоопределения* личности в сложных, неопределенных, быстро меняющихся ситуациях: ей открылась “свобода” – выживать или процветать.

Именно социальная позиция актуализирует правовые представления, выражающие потребность понять и интерпретировать действующие в обществе правила, нормы; получить точную информацию о них; выяснить обоснованность личных прав и надежность/ненадежность чужих обязательств; необходимость законно осуществлять

юридические процедуры (действия по открытию фирм, оформлению собственности, пособий и т.д.).

На создание своих правовых интерпретаций повлиял и плюрализм, связанный с демократизацией общества. Резкий переход от стереотипности, стандартности социальной жизни к ее разнообразию, а социального мышления – к многозначности, наличию разных мнений, точек зрения, вариантов поведения потребовал перестройки консервативного однолинейного способа мышления: с одной стороны, развития способности видеть разнообразие, разноплановость и противоречивость социальной жизни, с другой – умения привести все это к “одному знаменателю” – сконструировать из этих “вариантов” собственную *определенную* интерпретационную концепцию и стратегию жизни. Она стремится упорядочить, внести ясность и организованность в свою жизнь, взаимоотношения с людьми, учреждениями, различными социальными структурами. Интерпретация *выполняет функцию рабочего механизма правового сознания*, пока правовые представления не приобрели четкости, конкретности, не воплотились в правовые понятия и нормы.

Интерпретация – это *способность индивидуального* сознания личности постоянно вырабатывать определенные смысловые жизненные композиции, схемы, “версии”, мнения, объяснения, новые резюме из “мозаики” и динамики жизни при изменяющейся жизненной позиции для достижения стабильности, уверенности. Как важнейшая процедура индивидуального сознания, интерпретация, однако, обнаруживает свои культуральные особенности.

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В международном проекте Женевского центра приняли участие представители 35 стран Западной и Восточной Европы, а также Африки и Южной Америки.

Исследование опиралось на теорию социальных представлений С. Московичи. Мы же исходили из концепции социального мышления, разработанной К.А. Абульхановой. Основное содержание, включая расхождение позиций, изложено в статье [12].

Цель исследования – выявить:

1. Отношение народов разных стран к Декларации прав человека (степень ее понимания и представление о тех субъектах, которые способны практически ее реализовать).
2. Комплексы ценностей, которые реально защищаются законами.
3. Личный опыт осознания переживаний своих прав.

Всеобщая Декларация прав человека, утвержденная Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1948 г. [4], включает *шесть групп статей*. Первая излагает *основные принципы равенства, свободы и достоинства*; вторая – права индивидуума (такие, как безопасность человека и право на защиту в соответствии с законом); третья – права в межличностных отношениях; четвертая – общественные гражданские права: свободу слова или равный доступ к коммунальному обслуживанию; пятая – экономические и социальные права (например, социальное обеспечение и право на отдых и досуг); шестая – нормы международного правопорядка, обязанности по отношению к мировому сообществу.

Гипотеза: сходство или различие в понимании статей Декларации и индивидуальных представлений разных народов относительно активности и эффективности деятельности учреждений (правительств и политических партий) и самих респондентов по соблюдению прав человека зависят от ценностей и ориентаций людей на разных субъектах правозащиты (государство, партия или сам человек) [17].

Методика. Основным методом являлся анкетный опрос. Исследование¹ состояло из двух частей. В *первой* изучались отношения граждан к разным субъектам правозащиты. Респондентов просили ответить² на восемь вопросов, расположенных на биполярной шкале, по каждой из 30 статей Декларации 1948 г., чтобы выявить их общее понимание важности тех или иных статей, а также мнение об эффективности действий разных субъектов – индивидуумов, политических партий и правительств – в обеспечении прав человека в соответствии с положениями этих статей.

Вопросы анкеты соответствовали *шкалам*, которые раскрывали различия в понимании статей и готовности разных субъектов к защите прав человека: 1) понимание статьи и прав человека; 2) роль правительства в реализации статьи; 3) ответственность самого человека; 4) роль политических партий; 5) важность для данной личности отдельных статей; 6) личная помощь в реализа-

¹ Исследование излагается с сокращениями. Подробное описание дается в статье В. Дуаза и др. [17]. Исследование имело две части: в первой использовался один опросник (см. сноску 2), а во второй – три (1) о ценностях; 2) личных притеснениях; 3) характеристике респондента).

² Вопросы анкеты: 1) трудно/легко правительству ее применять; 2) ясно/неясны обязанности индивидуумов по отношению к другим людям; 3) политические партии могут/не могут реализовать эту статью; 4) адекватна/неадекватна эта статья моим правам как конкретного индивидуума; 5) могу ли я лично сделать многое/немного для реализации этой статьи; 6) соглашусь/не соглашусь с каждым аспектом этой статьи; 7) желаю/не желаю присоединиться к сторонникам защиты этой статьи.

ции статьи; 7) согласие с содержанием; 8) желание присоединиться к другим в защите прав.

Во *второй* части по *первому опроснику* выявлялись ценности, которые должны защищаться правами; в него были включены: основные ценности Рокича [19], Бонда [14], ценности из преамбулы Декларации прав человека (например, “достоинство всех людей”, “дружественные отношения между нациями”, “социальное продвижение” и др.), которые оценивались респондентами по девятибалльной шкале (от 1 балла – “не важная вообще” до 9 баллов – “чрезвычайно важная”).

Второй опросник позволял определять отношение личности к *пережитой ею несправедливости* в связи с принадлежностью к разным этническим группам и др.

Третий дополнительный *опросник* выявлял социобиографические данные, касающиеся религиозной принадлежности, политических предпочтений и вовлеченности в различные социальные движения. В итоге были получены ответы 6791 респондента – студентов и преподавателей факультетов психологии, права, социологии и др.

Результаты. После обработки данных выделены четыре типа по шкалам, приведенным выше. Обнаружено *сходство* отношений к *группам прав* (по критериям их классификации в Декларации) респондентов *разных стран*, а также *различия* их отношений к *основным* и *социальным правам*, с одной стороны, и всем остальным – с другой³.

Важнейший результат – это выявление четырех типов позиций индивидов относительно субъектов поддержки и защиты статей Декларации прав человека. Так, обнаружено основное различие в ориентации на эффективность действий личности, партий или правительства в соблюдении и уважении прав человека.

Каждая из четырех позиций обозначена: это – “защитники”, “персоналисты”, “пессимисты”, “правительственники”.

1. “*Защитники*” (28–29% респондентов от общего количества – 6791 чел.) давали большинство позитивных ответов на вопросы анкеты по всем (восьми) шкалам.

2. “*Персоналисты*” (23–25%) отвечали, что права человека касаются их лично, а правительству трудно что-либо сделать.

3. “*Пессимисты*” (18–21%) или “скептики” имели самые низкие показатели по всем шкалам.

4. “*Правительственники*” (28%) считали, что правительство более эффективно в обеспечении уважения к правам, чем лично они.

³ Обработка данных проводилась женевами исследователями с помощью современных методических средств в течение года и не включена в итоговую статью [17], на которую мы ссылаемся при изложении результатов.

Итак, были установлены различия в отношении к субъектам защиты прав человека: одни придерживаются веры в свою личную эффективность, другие – правительства или политических партий. Однако выявилось и такое основание различий – оптимизм “защитников” и пессимизм группы “скептиков”. При противоположности их позитивного/негативного отношения они, однако, не дифференцируют все позиции шкал – содержание статей, их понятность, личностное значение, ответственность разных субъектов их защиты. Это очень интересный результат, свидетельствующий, что оптимизм/пессимизм блокирует дифференцированность правовых представлений, понятий. Оптимистическое правосознание также незрело, как и скептическое. Это говорит или о неразвитости гражданского сознания или об абсолютном доверии обществу. В принципе же различия в отношениях к правам человека связаны с гражданским и персональным развитием личности и защитой ее прав в стране.

Основной результат второй части женеvского исследования, полученный в ходе кластерного и факторного анализа, – выявление комплексов ценностей и различий между ними, а также их связей с индивидуальными отношениями (или позициями) к разным субъектам защиты прав человека.

Ценности были сгруппированы в блоки-факторы. В фактор 1-I вошли: мир в мире, равенство, ценности преамбулы Декларации прав человека, свобода, мир красоты, безопасность. Фактор 2-II составили: счастье, зрелая любовь, внутренняя гармония, удовольствие. Фактор 3-V объединил: спасение, уважение традиций, национальную безопасность, социальное признание. Фактор 4-IV – это мудрость, гармония с другими, истинная дружба, чувство собственного достоинства.

Различия отношений к субъектам защиты прав человека значимо связаны с различием комплексов ценностей (см. [17]) и личным опытом переживания социального конфликта. Таким образом, женеvское исследование выявило два основных уровня отношений к правам человека. Это – уровень общественного сознания, который связан с верой в тех или иных субъектов, защищающих права человека, и зависит от комплекса ценностей, а также уровень индивидуального сознания правовых представлений (прослеживаются различия понимания веры/неверия, оптимизма/пессимизма, восприятия и личного опыта переживания конфликта).

Даже индивидуальная ориентация “персоналистов” на свои личные способности защищать права человека относится к первому уровню, поскольку свидетельствует об индивидуализме, свойственном общественному сознанию. Выявлены две детерминанты ориентации на разных

субъектов в зависимости от 1) степени развития правового государства и 2) “человеческого развития”, как следует из женеvского резюме, где под-разумевается гражданское и персональное развитие личности. Обнаружена третья, очень важная закономерность, разделяющая уровни: абстрактно многие признают права человека, но это доверие к разным субъектам, способным их защищать, связано с приоритетами, приверженностью различным группам ценностей или в случае, если только сам человек лично пережил несправедливость, столкнувшись с нарушением прав.

Итак, в женеvском исследовании дифференцирована абстрактно-теоретическая вера в различных защитников прав человека и личностная потребность в их защите, идеальной и ценностно-практической уровни в самих правовых представлениях. Теоретические представления подразделялись на абстрактные – статьи Декларации, идеальные законы человечности, цивилизованности и конкретные – ориентации на разных субъектов как социальные силы их защиты. А более реально потребность в защите прав связана с ценностями личности и с непосредственным переживанием ею несправедливости при нарушении ее прав (хотя последнее очевидно и на уровне здравого смысла).

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Задача первой части этого исследования – выявление специфики российских правовых представлений “извне”, через их сопоставление с представлениями граждан 35 стран мира, посредством кросскультурного сравнения российских данных с результатами всего женеvского исследования. Задача второй части – изучение внутренних механизмов связи общественных и личностных правовых представлений в российском индивидуальном сознании⁴.

Мы выдвинули следующую гипотезу: возникновение представлений личности – именно о своих правах, а не только обязанностях – на современном этапе связано с ее отчуждением от общества и одновременным возрастанием для нее ценности собственной жизни. Объективной предпосылкой правосознания современной личности является ее жизненная ситуация, жизненная по-

⁴ Автор статьи перевела и адаптировала к российской выборке методики, разработанные Женевским центром, включавшие международный документ “Декларация прав человека”, ряд опросников, и реализовала оригинальную схему исследования.

В сборе эмпирического материала участвовали сотрудники лаборатории личности Института психологии РАН Е. Аверина, Т. Березина, М. Воловикова, аспиранты Р. Енакаева, Е. Пащенко и др.

зияция. Рассеялась недавняя иллюзия общественного сознания, которая в определенной степени интерпретировала авторитаризм государства как гарантию правопорядка.

В *первой части* исследования применялись женевские методики (отношение к субъектам правозащиты и т.д.), позволившие получить ответ на вопрос о новой интерпретации государства, партий и т.д. как защитников прав человека, о чем можно было судить и по преобладанию оптимизма/пессимизма. Во *второй* выявлялись старые и новые, наиболее значимые в контексте прав человека, личные и нравственные социальные ценности. По ответам на вопрос, какие ценности человека нуждаются в защите, удалось определить, в какой степени в индивидуальном сознании *сохранились* общественные идеалы, насколько *стали* значимы личные ценности, связаны ли они друг с другом.

Методика. На *первом этапе эмпирического исследования* был осуществлен сбор российских данных по методикам и шкалам Женевского центра. На *втором этапе* мы отдельно обработали российские данные, сопоставив их с результатами всего исследования⁵, полученными из Женевского центра.

В первой части исследования кластеризация ответов по восьми шкалам женевского опросника⁶ позволила выделить *три* группы (типа) российских респондентов, различавшихся по характеру правовых представлений (в женевском исследовании их оказалось *четыре*). У россиян отсутствуют только “защитники”, которые считают, что поддерживать права человека могут все – и государство, и партии, и сами люди, т.е. оптимисты.

Результаты. Обнаружено сходство между типами России и 35 стран мира.

Сравнительные характеристики типов правового сознания россиян и граждан 35 стран мира таковы: в российской выборке выявились *активные* “персоналисты”, отличающиеся высокой степенью ответственности; “скептики”, не доверяющие действиям различных партий, а оценивающие возможности государства позитивно, но низко. Свою позицию они определяют как пассивную. Желание поддержать действия других получает у них 0 баллов. Женевские “скептики” по своим характеристикам близки российским, но

российский тип разделился на две подгруппы: 1) абсолютно нейтральные и 2) более критически настроенные. “Правительственники” верят в действия государства и не верят в личные силы (в женевской выборке также выявлен тип “правительственники” – *governmentalists*).

Далее, как и в женевском исследовании, были обработаны представления о российских ценностях (получено *пять факторов*), которые после этого сравнивались (не по количественному, а по качественному показателю) с социальными представлениями об основных *ценностях во всех странах мира*.

В *первый российский фактор* вошли ценности, представляющие *всеобщность счастья*: справедливость в мире (0.792), улучшение жизни каждого (0.789), всеобщее соблюдение прав (0.710), свобода слова (0.607), обучение и образование (0.626) и т.д., а также ориентированные на социальный прогресс (0.778), дружбу наций (0.645). *Первый фактор женевского исследования* объединил *сходные* ценности и обобщенно назван *универсалистическим*: мир в мире (0.772), равенство (0.773), мир красоты (0.552), свобода (0.556), безопасность семьи (0.474).

Второй российский фактор представляет “*спокойное счастье*”, более связанное с личностью: безопасная и размеренная жизнь (0.769), удовольствия (0.732), социальное признание (0.592). *Второй фактор женевского исследования* – “*счастье*”: ценность счастья (0.731), внутренняя гармония (0.648), зрелая любовь (0.561) и удовольствия (0.382). Эти факторы близки женевским, но в последних преобладает ценность *внутреннего мира*, а для России характерно отсутствие ценности *социального признания*, удовольствий, зрелой любви. Обращает на себя особое внимание тот факт, что, в отличие от первого фактора, второй имеет ценности со знаком “минус”. Опираясь на мнение Н.И. Лапина [8], мы предполагаем, что это значимые, но не реализованные в жизни ценности.

Третий российский фактор – “*счастье достижения*”, которое интерпретируется как результат *личных усилий* для достижения определенного положения и даваемых им благ. С достижениями связаны: чувство завершенности (0.606), *одновременно комфортная* (0.540) и *волнующая жизнь* (0.657), безопасность семьи (0.538), счастье (0.538). Ценностью стало счастье, лишь достигнутое личными усилиями, реально завершенное, свершившееся, а комфорт и безопасность по-прежнему остаются идеалами. При сравнении выявляется, что *третий женевский фактор*, напротив, не лично, а более *социально* ориентирован и назван “традиционализмом”. Здесь совершенно иные (можно сказать, гражданские) ценности: сопротивление угнетению (0.692), традиции (0.663), национальная безопасность (0.519)

⁵ Обработка результатов проведена Т.Н. Березиной по стандартизированному пакету статистических программ STADIA. Использовались методы многомерной статистики: факторный и кластерный анализ. Рассчитывались некоторые характеристики описательной статистики: математическое ожидание, стандартное отклонение, ошибка, а также коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

⁶ См. вопросы анкеты в первой части женевского исследования.

и социальное признание (0.438). Для России важны блага жизни, *достигнутые личностью*, для других стран – позитивные *традиции обществ*.

Четвертый российский фактор – “свобода” как для себя, так и для всего мира: мир в мире (0.669), свобода в мире (0.582), свобода от страхов (0.459), самоуважение (0.425), достоинство всех людей (0.581), мудрость (0.548). Все ценности этого фактора имеют желательные значения, т.е. не достигнуты реально. *Четвертый женеvский фактор* исследователями не обозначен соответствующим термином; мы бы назвали его *просоциальным*, основанным на личной уверенности в людях и самодостаточности: мудрость (0.732), гармония с другими (0.584), дружба (0.595) и чувство собственного достоинства (0.420).

Пятый российский фактор – “общение” (преимущественно в малой группе): зрелая любовь (0.654), гармония с окружающими (0.587), верная дружба (0.387). Он очень *близок* четвертому женеvскому фактору по характеру ценностей, но не по реальности их достижения и отличается от *пятого женеvского фактора*, который назван “*гедонизм*” и включает ценности: волнующая жизнь (0.720), достижения (0.551), комфортная жизнь (0.679), удовольствия (0.565) и социальное признание (0.465). Последний сходен с гедонистическими устремлениями, выявленными по третьему российскому фактору. (Заметим, что социальное признание в России связано со вторым фактором, представляющим личностную потребность быть востребованной обществом, тогда как в других странах – с третьим и пятым, т.е. с признанием личности гражданином и индивидуальностью.)

Разница между ценностями России и других стран очень велика: в российском общественном сознании сохранилась ценность свободы именно для всех народов мира, а не для себя, что обнаруживает консерватизм российского общественного сознания. Отмечаются главные *различия* между факторами: у россиян в известной мере сохраняется *старое* сознание – представление о счастье для всех, но одновременно появляется *новое* – осознание ценности счастья уже как счастья *личной жизни*, но оно интерпретируется не столько как *спокойное*, сколько *достигнутое усилиями личности*. Социальные представления личностей других стран ориентированы на *традиционализм*. В своем отрыве от общества личность *утрачивает* опору на традиционализм, свойственный российскому менталитету, и не уверена ни в надежности межличностных отношений (испытываемая потребность в общении), ни в самой себе. Фактор ценности отношений *с людьми*, казалось бы, сходен, но для россиян это просто общение, для других народов – гармония межличностного и внутреннего (дружба, мудрость) – общение связано с самовыражением личности, ее зрелостью, т.е.

свободой. Для российских же респондентов не значимы, не доступны свобода как равенство и внутренняя гармония.

В женеvских данных отсутствуют ценности: безопасность жизни, достоинство всех, свобода от страхов, свобода слова, дружба между нациями, улучшение жизни для каждого, справедливость в мире, а также социальный прогресс, обучение и образование, способствующие развитию прав человека – по-видимому, потому, что они уже реализованы.

Ценностное сознание российской личности обнаруживает маргинальность и противоречивость: наряду со старыми ценностями всеобщего блага возрастает ценность счастья личной жизни. Для этого российской личности необходимо ее социальное признание как личности, но отсутствует гармония внутреннего мира (как в других обществах) и личное достоинство. Все достигнутое – результат личных усилий, при которых трудно сохранять достоинство. В этом – двойственность ценностного сознания личности: она еще нуждается в признании, в оценке обществом своих усилий, но тратит их в одиночку и не имеет гарантий успеха.

Внутренние закономерности российского правосознания определялись в ходе обработки российских данных по схеме, позволившей выявить с помощью корреляционного анализа зависимости между отношениями личностей к эффективности субъектов поддержки прав человека (разных статей Декларации) и ценностными факторами. (Женеvские исследователи такую обработку результатов не проводили.) На основе корреляционного анализа выделились *три* основные зависимости: 1) вера “правительственников” в возможность защиты *государством* прав человека исходит из ценностей абстрактного характера и масштаба (“мир во всем мире”, “свобода для всех”). Можно предположить, что в этом случае “работает” старое представление о социалистическом государстве и мировом социализме; 2) неверие “скептиков” в *свои силы* защитить права человека значимо связано с конкретными личными контекстами – непризнанностью личности обществом. Пассивность “скептика” коррелирует с неудовлетворенной потребностью в личном благополучии или сознанием своей невостребованности; нежелание “скептика” *присоединиться к сторонникам защиты прав человека* зависит от узколичностного понимания ценностей – удовольствий, безопасности, в связи с чем личность осознает свои права и оценивает статьи Декларации как *несоответствующие* им; 3) отсутствие типа “защитник” свидетельствует о неверии в способность субъектов реализовать на правовой основе ценности личной жизни. Если же обнаруживается вера в правительство, то она связана с

его старой интерпретацией, а неверие – с интерпретацией его как неспособного защитить ценности личной жизни. То есть в сознании человека еще “не разделилось” старое и новое отношение к правительству, но вера в его абстрактное “могущество” приходит в противоречие с реальной незащищенностью личной жизни.

Для благополучной организации жизни личности необходима уверенность в успешности деловых, профессиональных, межличностных отношений, в их надежности при *взаимной ответственности* [12]. Поэтому сегодня в России основную область практического права составляют деловые отношения и связанные с ними межличностные противоречия (личность и другие). Даже если они строятся в рамках институциональных структур, ролевое поведение и взаимоотношения (в отличие от западноевропейского общества) осуществляются на основе *личных* интересов, амбиций, т.е. не на правовых, а на морально-психологических регуляторах, таких, как совесть–страх, доверие–недоверие (ложь) и т.д. Исходя из этого, наиболее валидным, адекватным для выявления российского правосознания оказался женеvский опросник, в котором речь шла о нарушениях и несправедливости, связанных с взаимоотношениями личности с другими людьми⁷. (Женеvские исследователи не проводили обработку этих результатов.)

Основной психологический механизм, который нас интересовал, – наличие/отсутствие паритетности при интерпретации взаимных прав и обязанностей партнеров – очень тонко выявила эта методика. Оригинальность обработки данных состояла в том, что были вычислены коэффициенты корреляции между показателями доверия–недоверия к субъектам, защищающим права человека (правительство, партия, сама личность), и доверия/недоверия личности к взаимности и надежности обязательств в непосредственных *межличностных отношениях* (по вышеуказанному опроснику). Оказалось, что оскорбления и притеснения, которым человек подвергался в жизни – несправедливая критика, высмеивание, несправедливое обвинение, незаслуженное наказание и т.д., вызывают его недоверие не столько правительству, сколько государственным чиновникам

⁷ В этот опросник входит описание следующих случаев:

1. Человек, с которым Вы имеете договоренность, нарушает ее.
2. Игнорируются Ваши чувства.
3. Кто-то нарушил тайну, которой Вы поделились с ним.
4. Кто-то несправедливо критикует Вас за Вашей спиной.
5. Кто-то лжет Вам или умышленно дезинформирует Вас (вводит в заблуждение).

И далее: высмеивание, несправедливое обвинение, незаслуженное наказание, обман профессионалом, кража у вас, невежливость, оскорбление, чужая ошибка, незаслуженная оценка, непризнание усилий, “блат”, несправедливый суд, влияние авторитета.

и партиям, т.е. исполнительной власти (несправедливое обвинение (0.2), незаслуженное наказание (0.17), обман профессионалом (0.23), кража у вас (0.24), невежливость (0.23), оскорбление (0.7), незаслуженная оценка (0.3). Российский человек четко представляет, от кого исходят все негативные, оскорбительные для его личности действия и поступки.

Наибольшее количество корреляций получено по шкале пережитых человеком незаслуженных обвинений, несправедливых отношений со стороны правительственных чиновников, связанных с судом, с ненадежностью выполнения людьми своих обязательств, оговором и т.д.

Особенно важно, что эти несправедливости интерпретируются как несоответствующие *моим правам* [5]: незаслуженное наказание (0.3), оскорбление (0.4), незаслуженная оценка (0.36), непризнание усилий (0.35), несправедливый суд (0.36). Показательно, что случаи нарушения тайны, профессиональный обман и “блат” не подрывают веры в правительство. По-видимому, вера в правительство в сознании личности [2] не связывается со способностью–неспособностью власти регулировать межличностные отношения на правовой основе. Это говорит о том, что в сознании личности происходит отчуждение от верховной власти, и о появлении потребности регулировать эти отношения “своими силами”. Притеснения человека, ущемление его прав значимо связаны с неверием чиновникам и партиям [4]. Парадоксально то, что незаслуженное наказание, несправедливое обвинение, кража имущества, непризнание усилий и несправедливый суд не побуждают личность присоединиться к сторонникам защиты прав человека, т.е. переживаются в одиночку. Обобщая, можно сказать, что в российском сознании сохраняется коллективизм лишь как идеальное представление; правовая необеспеченность межличностных отношений не приводит к *совместным* действиям против ущемления прав.

Таким образом, дефицит правового обеспечения для российской личности существенным образом связан с контекстом межличностных отношений и личной жизни. Но пока государство не считается ни субъектом защиты, ни субъектом нарушения этих прав, а партии и чиновники (исполнительная власть) рассматриваются как инстанция их нарушения (или несоблюдения).

При совпадении, казалось бы, типов отношений россиян к субъектам защиты Декларации прав человека с теми, которые существуют во всем мире (кроме “защитника”), правовые отношения и проблемы смещаются на межличностный уровень и уровень личной жизни. Последние в большинстве стран урегулированы рационально-правовым образом, а в России замещаются нравственно-психологическими и обыденными

нормами. Но так как эти нормы часто неопределенны или каждый раз могут быть нарушены, то от партнеров требуется постоянная *интерпретация* конкретной ситуации, гарантий ответственности, степеней юридического обеспечения, взаимности интересов и т.д. Предпринимательство, лидерство предполагают развитую способность к таким интерпретациям.

Самый существенный результат исследования – выявление феномена *непризнания* личности, правовой незащищенности ее жизни, осознание несправедливости и множества несоответствий *декларируемым правам*. Личность убеждается в бесплодности, бессмысленности собственных усилий, что есть едва ли не главная причина ее пассивности и скептицизма. С одной стороны, отчуждение человека приводит к возрастанию *ценности личной жизни* и представлению, что счастье и благополучие достигаются ценой собственных усилий и борьбы за свои права. С другой стороны, в сознании личности все еще сохраняется связь с обществом как потребность в социальном одобрении. Сознание социальной полезности, причастности недавно было ценностью *общественного* сознания большинства людей. Теперь эта ценность становится *индивидуальной* и личность переживает, что ее потребность в признании не удовлетворена. Она сомневается в признании и *защите своих прав как члена общества*, но нуждается в признании (обществом же!) себя как *личности*. Так глубоко противоречив современный период перехода к индивидуализму: для личности характерно не западноевропейское чувство собственного достоинства, а чувство одиночества и ненужности. Западная демократия охраняет индивидуализм правом. В России потребность в обеспечении и защите личной жизни при ее возросшей ценности и объективной значимости не удовлетворена. Желание организовать свою жизнь противоречит уязвимости и неуверенности личности. Кроме того, в новых условиях она еще не способна строить надежные межличностные отношения, главное – ей не хватает уверенности в себе.

Основное противоречие, обнаруженное нашим исследованием: в российском общественном сознании еще преобладает старое умозрительное представление об общем благе и свободе, а в индивидуальном – понимание собственной ущемленности, невозможности проявить себя, непризнание личности другими людьми (конкретными другими и обществом в целом) и ненадежность межличностных отношений. Это накладывает *негативный* отпечаток на интерпретацию общественных, межличностных, индивидуальных жизненных ситуаций. Субъективизм и негативизм не способствуют развитию активного гражданского сознания.

Допущенные по отношению к человеку несправедливости – еще более сильная форма депривации его прав, чем переживаемые им невосребованность и одиночество. Из этого следует, что у российской личности нет позитивной гражданской основы для борьбы за свои права. Более того, ее непризнанность и ущемленность порождают неверие, недоверие, т.е. личностный негативизм. Личность осознает несоответствие прав Декларации своей жизни, в которой она переживает много несправедливости (или Декларация воспринимается как абстрактный идеал). Здесь проявляется оценочный механизм интерпретирования, приводящего к отрицательному выводу, и происходит еще большее дистанцирование.

Выводы. Кросскультурная часть исследования выявила *общность* для респондентов всех стран типов отношений к субъектам защиты прав человека (только в России нет “защитника”) и специфику для российского сознания конкретность (недоверие партиям, чиновникам и самим себе). Оригинальная его часть – кросскультурное сравнение *только* российских данных с обобщенными результатами респондентов стран мира позволила раскрыть комплексы ценностей сознания, менталитета других россиян. Анализируя степень их реализованности, защищенности правом и разными субъектами, удалось выявить сложнейшие противоречия, характерные именно для сознания российской личности. Они охватывают и отношения личности с государством, которые не имеют гражданской основы, и отношения личности к собственно исполнительной власти, преисполненные недоверия, и межличностные отношения, требующие для обеспечения надежности непрерывных интерпретаций. Маргинальность позиции личности заключается в том, что реально она уже “оторвалась” от общества, но в сознании позитивно или негативно связана с ним. Эмоционально интерпретируя эту связь как собственную невосребованность, она пробует свою активность в сфере межличностных отношений, поэтому особенно нуждается в их надежности, познавая правовую ненадежность. Отсутствие правовых понятий, противоречивость правовых представлений, т.е. неопределенность правосознания, компенсируются активной интерпретационной работой сознания личности: правила, модели поведения рождаются в процессе размышления, рассмотрения вариантов, взвешивания причин, определения “цены” решений. Там, где еще не вступили в силу законы, нет их знания и исчез привычный для старшего поколения “порядок”, посредством интерпретаций (активной работы сознания) личность самоопределяется, выработывая *свои* мнения, принципы и взгляды на происходящее: строит комплекс ценностей, достигает *определенности* представлений. Интерпретации российской личности в силу маргиналь-

ности общества остаются субъективными, имеют мало общего с той самоуверенностью, которая воспитана западным индивидуализмом. Это проявляется в эмоциональной окрашенности правовых представлений: чувствах обиды, ущемленного самолюбия или уверенности в невозможности добиться справедливости.

Но интерпретации пронизаны не только негативными пассивными чувствами, свойственными российскому индивидуальному сознанию и менталитету. Сегодня они становятся выражением интересов, устремлений, ценностей, т.е. активности человека, ищущего свое пространство *личного права*, что предполагает *отказ от конформизма, социального сравнения, подражания*, характерных для России. Благодаря им личность может стать субъектом, имеющим свой взгляд на жизненные, социальные, правовые ситуации, а главное – способным отстоять его в обстоятельствах, требующих разрешения противоречий. По-видимому, это и есть личностная основа осознания своих прав, а не только обязанностей перед обществом. Пока правовое сознание личности в России остается обыденным, необходима непрерывная работа социального мышления, механизмом которой оказывается интерпретация. Пробуждающееся правовое сознание личности парадоксальным образом детерминируется не благополучием, а негативным положением, потребностью его улучшить, позитивным демократическим идеалом, самой личностью, как и всегда в России, крепнущей в испытаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 4. С. 39–55.
2. Валки Л. Ценностное содержание международного права. Венгерский меридиан // Журнал общественных наук. 1990. № 31. С. 53–67.
3. Воловикова М.И. Моральное развитие и активность личности // Активность и жизненная позиция личности. М., 1988. С. 170–186.
4. Всеобщая Декларация прав человека (10 декабря 1948 г.).
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
6. Дуаз В. Явление анкеровки в исследованиях социальных представлений // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 1. С. 19–21.
7. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
8. Лапин Н.И. Ценности в кризисном социуме. М., 1991. С. 4–21.
9. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 18. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
10. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996.
11. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000.
12. Славская А.Н. Интерпретация как механизм правовых представлений личности в российском обществе // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 2. С. 3–14.
13. Abric S.-Cl. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction // Social representation / Ed. by R.M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, 1984.
14. Bond M.N. Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: the Rokeach and Chinese value surveys // J. of Personality and Soc. Psychology. 1988. V. 55. P. 1009–1015.
15. Doise W. L'ancrage dans les études sur les Représentations Sociales // Bulletin de Psychologie. 1992–1993. V. XLV. 405. P. 189–195.
16. Doise W. et al. Human rights in a cross-national context // Europ. Journal of Soc. psychology. 1999. V. 29. P. 1–29.
17. Doise W., Spini D., Clemence A. Human rights studies as social representations in a cross-national context // European journal. of Soc. psychology. 1999. V. 29.
18. Moscovici S. Social influence and social change. L., N.Y., San-Franc.: Academic press, 1976.
19. Rokeach M. The nature of human values. N.Y.: Three press, 1973.
20. Spini D., Doise W. Organizing principles of involvement in human rights and their social anchoring in value priorities // Europ. Journal of Soc. psychology. 1998. V. 28. P. 603–622.

PERSONAL INTERPRETATION OF LAW RELATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MENTALITY

A. N. Slavskaya

Cand. sci. (psychology), researcher, IPRAN, Moscow

The representations of human's rights were studied in cross-cultural research by Geneva centre with Russia's participation. In this research the shared (by 35 countries) features of these representations (e.g. values, attitudes to different subjects of human rights' defend, personal experience of right disturbances) and specificity of Russians' law consciousness, related to their social position were discovered.

Key words: interpretation, law representations, values, subjects of human rights defend, needlessness of person.